

*) СМ. № 18.

вернулся добрый человек, собиравший пожертвования книгами для отправления в Болгарии. Человек этот — почтеннейший старик, известный многим своею благотворительною деятельностью, бывший профессор университета И. В. Шагонова.

А. З.

Симфонический вечер 8-го декабря.

(Окончание *).

Переходя к прелюдиям Шопена (des—dur и des—moll), мы уже упомянули, что первую из них не слыхать играть сейчас после полонеза, и вот почему. Известно, что большая часть прелюдий, если не все, написана Шопеном на Майорке, когда он уже был болен и часто страдал галлюцинациями (см. „Histoire de ma vie“ par George Sand. T. 10, pp. 192, 193, 194. Paris 1857), что и отозвалось на некоторых его произведениях этого периода. Роберт Шуман, первый в Германии ставший на сторону Шопена и с успехом защищавший его от нападок немецких критиков, даже Шуман не особенно сочувственно отнесся к этому замечательному творению великого композитора. Он называет прелюдию „совершенно особенными произведениями“. „Это, говорит он, какие то эскизы, начала этюдов, наброски, или, если хотите, руины, какая то пестрая и дикая смесь...“ „Тетрадь эта, продолжает он, содержит даже нечто болезненное (krankes), горячее (febrilhaftes), отталкивающее (abstoßendes)“ (Robert Schumann. Gesammelte Schriften über Musik und Musiker).

Если вверит словам г-жи Жорж-Занд, то des—dur-ная прелюдия написана Шопеном именно во время одного из моментов галлюцинации. Как известно, Жорж-Занд и Шопен, прибавив на Майорку, не нашли себе помешения, так как жители этого острова считали грубым болтовню приличивыми, вследствие чего они и должны были поселиться в развалинах необитаемого картезианского монастыря. Шопен чрезвычайно как боялся оставаться в нем один, так как ему вездь чудились различные привидения. Le cloître, говорит М-не Жорж-Занд в своих мемуарах, était pour lui plein de teneurs et de fantômes, même quand il se portait bien. Однажды рассказывает она, я возвратился с детьми в 10 часов вечера с ночных экскурсий по окрестностям развалинам и застала Шопена бледным за фортепиано, с блуждающими глазами и дабом на голове стоящими волосами. Он сначала даже не узнал нас; потом припопль в себя, улыбнулся и стал нам играть свои произведения, которая он с гордостью озаглавив „прелюдиями“. Ce sont des chefs—d'oeuvres, продолжает Жорж-Занд. Plusieurs présentent à la pensée des visions de moins trépassés et l'audition de chants funéraires qui l'assiégeaient“. („Histoire de ma vie“). Прелюдия des—dur, по словам

*) См. № 18.

ваше, или: „да, наши общественные идеалы лучше ваших европейских, ярче ваших и даже—о ужасы!—либеральнее ваших“. Мы жаждем привести к сознанию все это „весь эти национальные свойства народа, потому что наши европейские наставники давно научили нас обращать внимание на естественный, национальный фундамент, на котором только и могут прочно воздвигаться всевозможные общественно-политические здания. (Вспомните хотя бы Монтескье, внушавшего о святости народных привычек, „если только эти привычки не пороки“, —необходимое добавление, отличающее принцип европейский от принципа китайского). Итак, в чем же смысл „народной правды“? Г. Достоевский отвечает словом—„Христос!“ прибавляя при этом: „выйдет пош и прочтете: „Господи владыко живота моего“,—а в этой молитве вся суть христианства. Впрочем, замечает он, тема эта важная, о ней надо много еще сказать“. В чем же, добиваемся мы, идеалы наши, „яркие и либеральнее“? В ответе получаемся следующие: „теперь я не могу об этом распространяться, ну хоть потому одному, что и без того статья длинна вышла“. Таким образом труд читателя в туманном блуждании вокруг и около остается не вознагражденным. Таким образом, ни сама речь, ни сопровождавшие ее объяснения, не указали, хотя сколько нибудь удобопонятно, даже самой канвы „народного характера“, а следовательно не оправдали враждебного отношения автора к скитальцу, который обвинялся им в оторванности именно от этой, оставшейся не выясненной, „народной почвы“. В сущности, не смотря на многие толки в нашей прессе о Речи и Дневнике, ни Речи, ни Дневник, не могут и не должны быть предметом обсуждения, ибо в них г. Достоевский является перед нами призраком—

Карасовского, именно и есть та, которая обязана своим возникновением этому моменту. В особенности зловещие басы второй ее части в соединении с непрерывно монотонно повторяющимися „gis“ в правой руке, напоминают действительно какую то мрачную похоронную процессию с факелами при колокольном звоне. Прелюдия эта подходит все ближе и ближе, мелодия идет „crescendo“ и доходить до „fortissimo“, потом в продолжении одного такта, спускается до „piano“, при чем слышится какой то плач, сдержанное рыдание, затем все утихает, грустная первоначальная мелодия снова выступает и идет „diminuendo“ и раз только внезапно прерывается рывками ударами „forte“ отдельных нот в правой руке, после чего все стихает. Такой характер этого в высшей степени мрачного, но в тоже время прекрасного творения Шопена. Г. Геника передает его характер совсем иначе. Он приблизил его к некоторым из ноктюрнов Шопена, в средней части не допустил „crescendo“, которое, разросшись до „fortissimo“, производит необыкновенный эффект, вследствие чего пьеса приняла совершенно иной колорит и прошла немного вяло. Что касается до 24 прелюдий, то она положительно была лишней не по силам, и потому не произвела эффекта.

Прелюдия эта, мощные звуки которой так напоминают именно своею силою и энергией два полонеза Шопена (ор. 40 и 50), требуют громадной силы и блестящего выполнения, финальные же три ноты, как говорит Клеинский *) должны прогреть подобно трем пушечным выстрелам, вся же пьеса должна быть сыграна так, чтобы назвлекать удивленный и удивленный слушатель спросить: неужели это Шопен! Намонец, что касается пьесы Листа, то она не представляет ничего интересного с внутренней стороны, и вся основана на техниках, а потому мы и умолчим о ней.

Местная хроника.

Земский отдел.

Продолжаем отчет о заседаниях губернского земского собрания, в которых обсуждался вопрос „о народном продовольствии“. Согласно предложению председателя собрания, присутствовало было в разном количестве, выработанных редакционной комиссией.

1) О размерах пособия.

Граф Сиверс, Пономарев и некоторые другие гласные, по поводу раз

*) См. в высшей степени интересную брошюру, заключающую в себе три публичные лекции, читанные им в Варшаве, в марте прошлого года в высочайшем присутствии Шопена („О чуждении души Шопена“). Недавно мы читали в „Temps“, что появился уже и французский перевод этой во многих отношениях замечательной брошюры (Paris, chez Mackay).

неуязвимым, потому что неослабевающим. Причину неудачи приведенной попытки г. Достоевского пролить свет на характер и свойства „народной души“, мы видим, отчасти и прежде всего, в том, что он сдвигал эту податку в форму не столь для него обычной и родной, в форму „прозрачного разсуждения“, требующего логики аргументов, весьма различной от художественной логики образов и субъективных чувств. Действовать своим собственным, родным, привычным орудием,—в это самое важное условие плодотворности труда. Если бы Мейерберг и В. Гюго, Диккенс и Дарвин, обменялись взаимно оружием, то, конечно, у нас не было бы ни того, ни другого, ни третьего, ни четвертого. Мы вспоминаем, как комические затруднения испытывал Гейне, стараясь разговаривать с французом—музыкантом, и как эти затруднения сразу устранились, когда музыкант начал брать свой барабан и, объясняя слово „Германия“, начинал отбивать монотонно: „dumm, dumm, dumm“. Итак, с полной вѣрой на иные результаты, мы откладываем в сторону „Дневник Писателя“ и раскрываем роман „Братья Карамазовы“, откладываем в сторону прозаическое разсуждение и развертываем беллетристическую картину.

III.

Галлюцинация Ивана Карамазова.

Обращаясь к роману с исключительной целью поискать в нем объяснения характеристических черт и свойств нашего общества, мы, конечно, не будем излагать самую фабулу романа, обсуждая степень интересности завязки и постановки сюжета, степень ловкости ведения интриги, и т. д. Вся эта художественная сторона останется за пределами нашего разсуждения, имбуемого единственной целью уловить идеи, лежащие в основании художественно сгруппированных

мѣра пособия в 685 т. руб., заявив, что, в этом дѣлѣ, надо быть осторожным, и расходы из этого капитала производить возможно расчитывая, ибо нередко случалось, что эти пособия мало приносили пользы действительному нуждающемуся населению, а больше различного рода кулакам; кроме того, во многих мѣстностях не в такой степени существует недостаток в хлѣбѣ для продовольствия, сколько для обсеменения полей. Тѣмъ не менѣе, на предложенный председателемъ собрания вопросъ: необходима ли для оказания пособия сумма в 685 т. р.,—собрание отбѣило утвердительно. Въ такомъ же смыслѣ рѣшены были и слѣдующія два предложения редакционной комиссiи, т. е., 2, рѣшено было ассигновать, на первые расходы по оказанию пособия, все имѣющийся губернской продовольственный капиталъ, котораго, по словамъ И. З. Бекаржкова, состоитъ около 190 тыс. руб. 3., ходатайствовать предъ правительствомъ о выдачѣ пособия, в размѣрѣ 500 тыс. р. е., обусловленного согласно заявленiя редакционной комиссiи. 4., О позавимствованiи изъ страхового капитала 500 т. р. Вопросъ этотъ возбудилъ самыя оживленныя и разнообразныя сценны.

Графъ Сиверсъ положительно высказался противъ того, чтобы уполномочить управу, предъ разрѣшенiя ходатайства предъ правительствомъ, позавимствовать, для обезпеченiя народнаго продовольствiя, изъ суммъ страхового капитала до 500 т. р. сер., такъ какъ, по мнѣнiю гласнаго, страховою капиталъ имѣетъ свое назначенiе, и земство, въ случаѣ несчастiя—пожаровъ, озабочено бы въ затруднительномъ положенiи; тѣмъ болѣе, что въ случаѣ утвердительнаго рѣшенiя этого вопроса, всего вѣроятнѣе предполагать, что правительствомъ откажетъ въ ходатайствѣ, ибо у него противъ пособия и другiя земства, не расчитывающiя ни на какiе постороннiе капиталы. Мнѣнiе это было поддержано многими гласными и, между прочимъ, председателемъ собранiя. Противъ этого послѣдовали возраженiя въ томъ смыслѣ, что нужда и голодъ не заставятъ себя ждать; ассигнованныхъ на первые расходы 190 т. недостаточно для удовлетворенiя населенiя; въ случаѣ же отказа правительствомъ, явится необходимость въ экстренномъ губерномъ земскомъ собранiи; во всемъ извѣстно что, въ большинствѣ случаевъ, послѣднее не состоитъ, за неприбытiемъ гласныхъ.

Многими гласными было выражено заявленiе о томъ, что не слѣдуетъ ли телеграммоу увѣдомить г. министра внутреннихъ дѣлъ о рѣшенiи собранiя ходатайствовать о пособii; если послѣдуетъ на это утвердительное отвѣтъ министра, то и разсматриваемый вопросъ упраздняется; если же ходатайство земства не будетъ уважено, тогда обсуждать новыя мѣры... Но на предъ

ложенный председателемъ собранiя вопросъ, желаетъ ли собранiе телеграфировать министру, съ означенною целью, послѣднее отбѣило отрицательно. Затѣмъ, продолжались пренiя, при чемъ гласный Пономаревъ напомнилъ собранiю, что, помимо страхового и продовольственнаго капиталовъ, нужно имѣть въ виду не одно правительствъ и его помощъ; укрѣпленiя обществъ есть свои капиталы, такъ называемые, общественныя продовольственныя, которые въ суммѣ равняются миллиону рублей или около этого. Но З. И. Бекаржковъ заявилъ, что въ настоящее время, свѣдѣнiя о такихъ капиталахъ въ управѣ имѣются самыя ограниченныя; другiе же гласные возражали на это, говоря, что эти капиталы земству не принадлежатъ и что оно ими распорядиться не можетъ. Гласный Антоновъ, выносивъ предложенiе редакционной комиссiи проасматриваемому вопросу, заявилъ, что и прежде были случаи позавимствования изъ страхового капитала на устройство среднихъ учебныхъ заведенiй; тѣмъ рациональнѣе и целесообразнѣе сдѣлать этотъ заемъ для будущаго населенiя, которому въ перспективѣ представляется голодъ съ его ужасными послѣдствiями. Наконецъ, среди остальныхъ мнѣнiй, высказанныхъ по интересующему вопросу, приводимъ мнѣнiе гласнаго Гордѣнко: „здесь разсматривается вопросъ, какаю роль въ дѣлѣ о народномъ продовольствii принадлежитъ правительству, какаю—земству и какаю—обществу, и въ чемъ должно состоять наше ходатайство предъ правительствомъ. Благотворительность не должна являться въ видѣ налоговой повинности; для нея законъ написанъ въ нашихъ сердцахъ, а средства въ нашихъ карманахъ; устанавливая налогъ на продовольствiе, мы тѣмъ же крестьянъ стѣсняемъ; судя по словамъ председателя управы, надо полагать, что правительствомъ затруднится въ оказанii пособия и что мы должны изъ своихъ средствъ помогать голодающему населенiю; повидимому, мы болѣе богаты средствами, чѣмъ правительствомъ; но председатель управы забываетъ, что правительству принадлежитъ все наше имущество, вся наша жизнь; думаю, что правительствомъ не можетъ быть бѣдно и не можетъ отказывъ въ жизненной потребности народа; мы еще знаемъ, что правительствомъ располагаются средствами для того, чтобы расходовать болѣе 10 миллионъ руб. сер. на расширенiе провозной способности азовской дороги, можетъ быть, съ тою цѣлю, чтобы облегчить перевозку купленнаго для голоднаго населенiя хлѣба; правительствомъ не бѣдно; у него множество капитала и денежныхъ бумагъ разныхъ наименованiй и вѣстовъ, начиная отъ желтаго до радужнаго; если бы въ самомъ дѣлѣ не достало капитала, то правительствомъ, дѣлавшее заемъ для покоренiя вышнихъ враговъ, не затруднится сдѣлать его для спасенiя жизни народа и предохраненiя его голодающему населенiю безвозмездно, какъ сдѣлали то для

шевная драма. Ночь. Иванъ мечется въ уединенномъ кабинетѣ,—жертва своихъ тяжелыхъ сомнѣнiй, своихъ болѣзней, по мучке возбужденныхъ нервовъ. Дѣйствительность меркнетъ въ воспаленной бредъ... Внезапно предъ нимъ вырастаетъ собесѣдникъ. Это „чортъ“, это его галлюцинация, это часть его собственныхъ мыслей, это, отделившаяся отъ него и представшая передъ нимъ, на завтра судъ; завтра онъ долженъ предстать предъ лицомъ грознаго обвиненiя, закона и общественной совѣсти. Но логика видности, на этотъ разъ, извратила логику действительныхъ событiй. На самомъ дѣлѣ Дмитръ не виновенъ. На самомъ дѣлѣ убийца—Смердяковъ, который въ давномъ задумалъ свое дѣло, и который, извѣстно, въ Карамазову-отцу со стороны другого его сына, Ивана, въ темномъ намекѣ далъ почувствовать этому послѣднему свое намѣренiе, и тѣмъ самымъ сдѣлалъ его, въ нѣкоторомъ родѣ, своимъ сообщникомъ. И вотъ теперь, когда фактъ совершонъ, когда Иванъ, возбужденный очевидное улики въ виновности Дмитрия, изгоняетъ окончательно изъ сердца, смутно шевелившуюся тамъ тревогу—въ эту минуту Смердяковъ открываетъ ему истину. Такимъ образомъ, тревога оказывается основательно: убийца—Смердяковъ и—онъ, Иванъ. Они оба, действительные преступники, на свободѣ, въ подозрѣнiи,—въ тюрьмѣ же ждетъ суда и осужденiя человекъ, къ дѣлу не причастный, въ крови, имъ пролитой, вовсе не виновный. Гордость сознания человѣческаго достоинства приподнята Иваномъ, тотчасъ же послѣ открытiя истины, къ рѣшимости забыть собою брата. Но Иванъ—что называется—человѣкъ „разсудочный“, и „разсудочность“ его такого качества, что не можетъ дать ему увѣренности, точно ли онъ долженъ идти на судъ, точно ли слѣдуетъ ему забыть собою невиннаго Дмитрия? Начинается ду-

шевная драма. Для отчужденнаго пониманiя этой рѣри, намъ кажется необходимыми различить въ ней двѣ составныя части: часть, выражающую характеръ и свойство „разсудочности“ Ивана, и часть, выражающую смыслъ и значенiе „разсудочности“ человѣчества вообще. Первая часть, какъ художественное произведенiе факта действительности, заслуживаетъ полнаго вниманiя и одоженiя. Въ другой же части, „чортъ“ еретъ на себя трудъ развивать мысли, возложенныя въ Дневникѣ Писателя; и эта часть заслуживаетъ вниманiя, но уже вниманiя вооруженнаго, тоговаго къ отпору. Обращаемся сначала къ первой изъ указанныхъ частей сѣды.

„О, я люблю, —говоритъ Ивану Юрь“ (олицетворенiе его разсудочности),—я люблю мечты пылкихъ, модныхъ, трепещущихъ жаждой жизни узей моихъ! „Тамъ новыя люди“, слышишь ты еще прошлой весной, собиравъ сюда, „они полагаютъ разрушить и начать съ антропофаги. Глупцы, я не сприсялся! По моему и разнать ничего не надо; а надо всего разрушить въ человѣчествѣ идею бога! вотъ съ чего надо приняться дѣло! Съ этого, съ этого надобно начать, —о слышишь ничего не понимаешь! Разъ человѣчество отречется юловно отъ Бога, то само собою, б антропофаги, падеть все прежнее воззрѣнiе и, главное, вся прежная

славянъ... По поводу выраженаго многими мнѣнiя о томъ, что возвратъ суммъ, позавимствованной у правительствъ, долженъ всецѣло лежать на обязанности крестьянскихъ обществъ, а не земства, гласный кн. Вадбольскiй высказалъ, что во всякомъ случаѣ, даже въ томъ случаѣ, если бы крестьянскiя общества не могли гарантировать займа, земству умыть руки не приходится; интересы общества и земства находятся слишкомъ въ тѣсной связи, чтобы послѣднему отказываться отъ возврата этихъ денегъ. На предложенный председателемъ вопросъ: находитъ ли собранiе нужнымъ уполномочить управу позавимствовать изъ страхового капитала 500 тыс. въпредъ до разрѣшенiя ходатайства и даже если послѣднее не будетъ уважено, —собрание, большинствомъ 32 голосовъ противъ 30, рѣшило утвердительно. Это однако не помпало 29 гласнымъ подать особое мнѣнiе по этому вопросу, въ которомъ они не соглашались съ рѣшенiемъ большинства по слѣдующимъ причинамъ: страховою капиталъ имѣетъ свое специальное назначенiе и позавимствование изъ него есть отступленiе, могущее имѣть печальныя послѣдствiя; тѣмъ болѣе, что возвратъ займа не обезпеченъ и едва ли будетъ улоченъ, въ случаѣ продолженiя неурожаевъ въ будущемъ. Подъ этимъ мнѣнiемъ, между другимъ, подписались: Пономаревъ, Харитоненко, гр. Капнистъ, гр. Сиверсъ, Е. С. Гордѣнко, Власовскiй и друг.

(Продолженiе въ слѣд. №).

Въ субботу, 20 декабря, въ 7 часовъ вечера, назначено въ помѣщенiи правленiя взаимнаго страхованiя засѣданiе русскаго техническаго общества. Предметы занятiй общества слѣдующiе:

1. Докладъ А. Д. Чирикова: „О химическомъ изслѣдованii мѣдныхъ рудъ изъ донаекаго бассейна“.
2. Докладъ А. П. Шимкова: „Во что обходится г. Харьковъ его благоустройство“.
3. Докладъ секретаря по текущимъ дѣламъ общества.

Насъ просятъ извѣстить, что въ воскресенье, 21 декабря, въ 12½ часовъ дня, въ помѣщенiи классовъ русскаго музыкальнаго общества, имѣетъ быть первое публичное музыкальное исполненiе учащихся въ классахъ. Г. члены отдѣленiя музыкальнаго общества, а равно родственники учениковъ имѣютъ право входа.

ВНУТРЕННIAЯ ИЗВѢСТIЯ.

Мелитополь (корреспонд. „Южнаго Края“). Въ г. Мелитополь, въ уголовной сессii, 10 текущаго декабря, разсматривалось, при громадномъ стеченiи публики, довольно интересное дѣло о крестьянкѣ Теоdorf Бережной,

содержанiе котораго нелишнимъ считано сообщить читателямъ, въ виду того, что дѣла подобнаго рода не часто встрѣчаются въ судебной практикѣ.

Въ составѣ суда, по дѣлу Бережной, предсѣдательствовалъ членъ суда В. Ф. Бокариусъ, обвиняль тов. прокурора З. Л. Гебштейнъ, а защитникомъ обвиняемой—Теоdorf Бережной, преданной суду по обвиненiю въ убийствѣ своего мужа, выступалъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго И. Г. Крутикъ-Гортубанскiй.

Въ 11 часовъ засѣданiе было открыто и по распоряженiю предсѣдателя подсудима Бережная, 19-лѣтняя крестьянка изъ села Веселаго, Мелитопольскаго уѣзда, заняла скамью подсудимыхъ подъ охраною стражи. На вопросъ предсѣдателя о виновности Бережной—она отвѣтила утвердительно и при дальнейшихъ распросахъ предсѣдателя изложила слѣдующее: „въ апрѣлѣ настоящаго года, выйдя ночью на дворъ, она почувствовала какое то безоточное состоянiе тоски, почувствовала какъ что то такое подкатило ей подъ сердце, и тутъ, наткнувшись на дрючокъ (длиною болѣе 2 аршинъ; а толщиною около 6 вершковъ), схватила таковой, направила въ кашпору, отстоящую на нѣсколько сажень отъ ея хаты, гдѣ почевалъ мужъ ея, сторожа овецъ, и подъ тѣмъ же безоточнымъ состоянiемъ, сама не помня себя, нанесла спящему своему мужу два удара дрючкомъ по головѣ, лишивъ его тѣмъ жизни. Съ мужемъ, продолжала обвиняемая, она прожила всего 10 недѣль, злобы или ненависти къ нему не питала, но онъ, съ мужемъ, былъ неспособенъ жить брачною жизнью, несмотря на то, что ему исполнилось только 20 годъ. Послѣ сыгранной свадьбы, въ роль мужа долженъ былъ вступить „дружокъ“ (дядя обвиняемой) по порученiю самого мужа Бережной. Послѣ того онъ, Бережной, продолжалъ жить вмѣстѣ, но брачнаго ложа не раздѣляли. Подсудимая, излагая все это съ видимымъ спокойствiемъ, не могла однако дать точнаго объясненiя относительно появленiя „дружка“ и старалась дать понять, что нѣкоторое время до и во время убийства мужа, она дѣйствовала безсознательно и подъ влиянiемъ болѣзненнаго состоянiя, проявившагося у нея въ видѣ припадковъ помраченiя, что однако на судѣ не подтвердилось.

Судебное сѣдиство прошло быстро, несмотря на то, что экспертиза заняла довольно времени. Врачи-эксперты: Липца и Петровскiй на предлагаемые имъ вопросы, въ особенности первый, давали обстоятельныя отвѣты, основанные на научныхъ изслѣдованiяхъ въ области психиатрии, при чемъ врачъ Липца, энергично оппонировавъ защитѣ, приводилъ различныя ученiя извѣстнѣйшихъ психиатровъ Гринингера, Эбеллинга, Морина и другихъ; въ концѣ же высказалъ мнѣнiе слѣдующаго содержания: судя по даннымъ судебного слѣдствiя, для него, какъ врача-эксперта, падаетъ вопросъ о совершенiи Бережной преступленiя въ ненормаль-

правственнотъ и наступить все новое. Люди совокупляются, чтобы взять отъ жизни все, что она можетъ дать, но непремѣнно для счастья и радости въ одномъ только зрѣвшемъ мiрѣ. Человѣкъ возмечитъ духомъ божеской, титанической гордости и явится человѣкобогъ. Ежегодно побѣждая уже безъ границъ природу, волею своею и наукою, человѣкъ тѣмъ самымъ ежегасно будетъ ощущать наслажденiе столь высокое, что оно замѣнитъ ему все прежняго упованiя наслажденiй небесныхъ. Всякій узнаетъ, что онъ смертенъ весь, безъ воскресенiя, и приметъ смерть гордо и спокойно, какъ богъ. Онъ изъ гордости пойметъ, что ему нечего роптать за то, что жизнь есть мигновенiе и возлюбитъ брата своего уже безъ всякой мзды... Ну и пр. и пр. въ томъ же родѣ. Премилло! „Иванъ сидѣлъ, зажавъ себѣ уши руками и смотря въ землю...“ Дѣйствительно, онъ долженъ былъ опустить голову при видѣ сумбура собиравшихъ идей. Изъ какихъ только кусковъ не сплито это пестрое „убѣжденiе“? Зерно истинной положительной „разсудочности“ совершенно затеряно среди всевозможныхъ вздорныхъ мечтанiй. Незавѣстно, какимъ орудiемъ пойдеть онъ разрушать идею Божества, имѣя подъ руками средства, не хватающiя въ сферѣ потусторонняго мiра? Почему, падеть всиряченная правственнотъ? Что означаетъ въ умѣ, выступающемъ противъ идеи Божества, надежда на „возвеличенiе духомъ божеской гордости“, на „достиженiе значенiя чело-вѣко-бога“? Что означаетъ: „ежегасныя, безграничныя побѣды надъ природою“, и это какаю-то гордость, гордость и гордость? Заслышавъ отдаленный звонъ, доморожденный мыслитель начинаетъ фантазировать объ устройствѣ колокольных. Конечно, онъ видѣвши ее въ умѣ изъ обломковъ случайно подобраннаго кое-гдѣ материала. А такъ какъ онъ не имѣетъ никакой вообще архитектурской подготовки, то и не удивительно ни-

сколько, что его построенiе оказалось уродливо лагромажденной массою противорѣчii? Нужно было бы пойти на звонъ и узнать доподлинно откуда онъ исходитъ; отыскавъ на призывъ „разсудочности“ новаго времени, слѣдовало бы усилить себѣ ея духъ, задачи и средства. Не о гордомъ, богородномъ паренiи чело-вѣка надъ мiрозданiемъ говорить эта „разсудочность“, а лишь объ устойчивомъ положенiи его среди другихъ существъ и явленiй мiра. Не на ратоборствѣ и триумфѣ надъ природою зоветь чело-вѣка новая наука, а лишь на благогазванное слѣдованiе природѣ. На старомъ, уже выдавшемъ виды, знамени науки значится все то-же прежнее, лишь лучше понятое, „natura sequi“. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же тотъ Черноморъ-природа, съ которымъ могъ бы воевать Русланъ-чело-вѣкъ? Природа—какъ сама собою асно—всюду: здѣсь, тамъ, вокругъ чело-вѣка и въ немъ самомъ. Гдѣ же брать чело-вѣку орудiе для битвы съ нею? Конечно, нигдѣ какъ у нея же самой: одни природныя средства выдвигаются противъ другихъ. Слѣдовательно, вся борьба съ природою не можетъ быть, въ сущности, ничѣмъ инымъ, какъ той или другой комбинацiей природныхъ силъ. Всюду и всегда господство надъ природою есть въ сущности приспособленiе. „Всякій разъ—говоритъ одинъ изъ нашихъ учителей—когда мы приступаемъ къ какому нибудь дѣлу, только знанiе естественныхъ законовъ позволяетъ намъ привести его къ надлежащему концу, давая возможность ввести въ среду данныхъ обстоятельство нѣкоторыя видоизмѣняющiе элементы (О. Контъ)“. Все, что есть въ области разума и морали—привлечаетъ его ближайшiй ученикъ—цѣлкомъ заключающаяся въ знанiи верховнаго веледiя вещей, это же знанiе есть ничто иное, какъ объясненiе природы (Литтлр).

Если бы Иванъ Карамазовъ утвердился на этой исходной точкѣ, то онъ

номъ состояніи умственныхъ способностей, и въ настоящемъ случаѣ „психическая подавленность“, о которой говоритъ защита, если и допустить таковую въ моментъ совершения преступленія, не даетъ ему права сказать, что этотъ психическій гнетъ есть послѣдствіе ненормальнаго состоянія умственныхъ способностей, такъ какъ такое состояніе возможно допустить въ каждомъ впечатлительномъ субъектѣ, вслѣдствіе какой нибудь внѣшней, потрясающей причины, неблагоприятно отзывающейся на состояніи духа. Эти объясненія врачъ-экспертъ закончилъ тѣмъ, что находитъ область науки психіатріи еще недостаточной разработаною и исходя съ этой точки зрѣнія, онъ, тѣмъ не мѣняе, можетъ указать на то, что послѣдовательность въ дѣйствіяхъ Бережной не убѣждаетъ его въ томъ, чтобы она могла дѣйствовать, во время совершения преступленія, безоточно или безсознательно.

Экспертизой закончились судебное слѣдствіе и затѣмъ тов. прокурора, изложивъ обстоятельства дѣла, и отрицая безсознательность въ дѣйствіяхъ Бережной, просилъ присяжныхъ засѣдателей о безусловномъ обвиненіи. Защита, въ свою очередь, главнымъ образомъ, опиралась на экспертизу и, привѣдя нѣсколько примѣровъ изъ уголовной практики, подходившихъ къ настоящему процессу, упорно стояла на томъ, что „психическая подавленность“ обвиняемой Бережной внѣ всякаго сомнѣнія, въ виду того грустнаго сомѣнія и подкапыванія чего то подъ сердце, которое было прямымъ послѣдствіемъ гнетущей мысли, о неспособности мужа ея къ брачному сожитію; при этомъ, закончивши свою рѣчь, защита просила полного оправданія, а въ случаѣ обвиненія, списходительнаго отношенія къ ея участи и совершенно ея преступленія безъ предумышленія.

Предсѣдательствующій въ своемъ довольно подробномъ резюме останавливалъ присяжныхъ на слѣдующемъ: на отягченіи мотива, побуждившаго Бережную совершить то дѣяніе, которое она сама не отрицаетъ, по экспертизѣ, которая (по словамъ предсѣдателя) служить большимъ подспорьемъ въ разрѣшеніи вопроса, на сколько объясненіе Бережной въ отношеніи безоточности или безсознательности поступка заслуживаетъ вниманія. Эта экспертиза, закончивъ предсѣд., въ связи съ руководившимъ обвиняемую побужденіемъ къ совершенію убійства, даетъ возможность стать на вѣрную точку въ разрѣшеніи вѣроятности или не вѣроятности, при неопризнаніи обвиняемой факта совершения убійства.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія, присяжные засѣдатели признали Бережную виновною въ убійствѣ мужа (12 апрѣля 1880 г.), но безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія и заслуживающую снисхожденія; на основаніи вердикта присяжныхъ, судъ приговорилъ ее къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ, срокомъ на 6

лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, сокративъ ей сроки работъ на одну треть въ виду несовершеннолѣтія.

Въ составѣ присяжныхъ было нѣсколько интеллигентныхъ лицъ и въ числѣ ихъ старшиною учитель реальной гимназіи Коржинскій; нужно отнестись справедливо за то вниманіе, съ какимъ они слѣдили за ходомъ всего уголовного процесса, не упуская также ни малѣйшихъ подробностей экспертизы, которая въ лицѣ врача Линды явила себя вполне компетентною; указаніе же предсѣдательствующаго къ отысканію мотива, конечно не того, который приводила Бережная, облегчило задачу присяжныхъ о вѣщеніи.

С.-Петербургъ, 4-го декабря. (Корреспонденція „Южнаго Края“). Отмѣна рѣшеній присяжныхъ засѣдателей судомъ, по силѣ 818 ст. уст. уг. суд., является событіемъ крайне рѣдкимъ въ практикѣ нашихъ судовъ, да частое примѣненіе 818 ст. было бы и не сообразнымъ съ тѣмъ уваженіемъ и довѣріемъ, которымъ проникнуто къ нашему юри и общество, и законодательство. Тѣмъ не менѣе, за протекшій періодъ существованія у насъ новыхъ судебныхъ мѣстъ, приходилось кое-когда отмѣнять нѣсколько подобныхъ случаевъ, а въ последнее время эти случаи повторяются сравнительно довольно часто. Такъ, газеты здѣшняго возвестили о двухъ случаяхъ примѣненія судомъ указанной 818 ст. въ Свирахѣ (кѣв. губ.) и въ Острогѣ (волыск. губ.), при чѣмъ послѣдній случай относится къ обвиняемому въ отцеубійствѣ, который сознался въ своемъ преступленіи, мотивируя его самообороною. Къ этимъ двумъ случаямъ, дошедшимъ до нашего свѣдѣнія изъ далекаго юга, мы можемъ добавить третій, изъ практики нашего столичнаго суда. 11 ноября, въ сессіи петербургскаго окружнаго суда въ г. Шансаль-бурѣ, рассматривалось дѣло о сельскомъ учителѣ Милолюбовѣ, обвиняемомъ въ обольщеніи своей служанки. Присяжные засѣдатели признали подсудимаго виновнымъ, но судъ, послѣ часового совѣщанія, объявилъ опредѣленіе о единогласномъ съ его стороны признаніи, что присяжными обвиненъ невинный.

Примѣняя 818 ст. уст. уг. суд., судъ признаетъ явную ошибку присяжныхъ при оцѣнкѣ собранныхъ на предварительномъ и представленныхъ на судебномъ слѣдствіи противъ подсудимаго доказательствъ; болѣе того: онъ признаетъ, съ своей стороны, *неостоятельность* уликъ. Опредѣленіе суда, въ этомъ случаѣ, не подлежитъ обжалованію ни въ апелляціонномъ, ни въ кассационномъ порядкѣ, ни прокуроромъ, ни гражданскимъ истцомъ. Мотивировка судомъ опредѣленія, постановленнаго на основаніи 818 ст. не предписывается закономъ, да это едва ли бы отвѣчало и сущности полномочія, вложеннаго въ основаніе названнаго статьи, очевидно аналогическаго по своему свойству съ правомъ са-

михъ присяжныхъ постановлять приговоры согласно своему убѣжденію; отмѣна происходитъ въ порядкѣ кассационномъ—ибо дѣло передается на разсмотрѣніе другого состава присяжныхъ—по опредѣленію о передачѣ касается не формъ и обрядовъ судопроизводства, а самаго существа дѣла. Созданіе этого закона, очевидно, основано на необходимости нѣкотораго уравнивленія полномочія присяжныхъ, вытекающаго изъ 813 ст. *Простое большинство, рѣшающее въ пользу обвиненія, недостаточно гарантируетъ положеніе обвиняемаго.* И дѣйствительно, по дѣлу Милолюбова, на судѣ обнаружилось, что обвинительный вердиктъ присяжныхъ былъ результатомъ простаго большинства.

5 декабря судебная палата по гражданскому департаменту утвердила пресловутое постановленіе окружнаго суда, отмѣнивая распоряженіе общаго собранія кредиторовъ несостоятельнаго должника Александра Мясникова. Четырехъ-милліонная несостоятельность сама по себѣ событіе не заурадно. Но и лица, играющія роли въ этомъ событіи и въ его дальнѣйшихъ перипетіяхъ—не заурадна также. Имя А. Мясникова достаточно извѣстно изъ полнаго трагизма процесса, пропущеннаго по широкой Россіи въ 1872 году. Много-милліонное состояніе *Фридрихсмаксма первоисточника* Бѣлзева, перешедшее такъ или иначе въ руки двухъ братьевъ Мясниковыхъ—состояніе, заключавшееся преимущественно въ разныхъ недвижимостяхъ и промыслахъ, раскинутыхъ по ширіи и далѣе отечества нашего,—не принесло счастья. Сперва процедура узаконительнаго слѣдствія и суда, а теперь жалкая несостоятельность, вотъ фатумъ, преслѣдующій наследниковъ покойнаго Кузьмы Васильевича.

Но и кредиторы въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ кн. Кейкуатовъ и Богаевского заслуживаютъ вниманія. Кн. Кейкуатовъ, нынѣ присяжный повѣренный, былъ товарищемъ предсѣдателя нашего суда и предсѣдательствовалъ при разсмотрѣніи въ петербургскомъ окружномъ судѣ дѣла Мясниковыхъ. Присяжный повѣренный Богаевскій также изъ бывшихъ предсѣдателей петербургскаго окружнаго суда. И вотъ теперь, состоящимъ въ числѣ главныхъ кредиторовъ по дѣламъ несостоятельности Мясникова, гг. Богаевскому и кн. Кейкуатову, общее собраніе кредиторовъ назначаетъ: первое 6,000 р., а второму 2,000 руб. сер. на расходы и въ вознагражденіе по осмотру и оцѣнкѣ имъ разныхъ заводовъ и имѣній Мясникова, расположенныхъ въ полтавской, вятской и тобольской губерніяхъ. Такимъ цѣлымъ расходомъ имѣющихся въ распоряженіи конкурснаго правленія суммъ, однако, одинъ изъ кредиторовъ—г. Бильбасовъ (тоже извѣстный!) и подаетъ жалобу въ судъ. Окружной судъ отмѣняетъ постановленіе общаго собранія кредиторовъ. Гг. Богаевскій и кн. Кейкуатовъ жалуются въ палату,

доказывая, что судъ не имѣетъ права высматривать въ расходное конкурсное управленіе суммъ, имѣющихся въ его рукахъ, и что суммы, назначенныя имъ общимъ собраніемъ, вовсе не преувеличены и не могутъ быть названными „*гишнически расходными*“, какъ сдѣлалъ это наши газеты. Но палата, какъ уже выше сообщено, признала компетенцію суда въ этомъ дѣлѣ и рѣшеніе его утвердила.

Отъ дѣла нашихъ Мясниковыхъ до другого дѣла Каменецъ-Подольскаго, о Январіи Сулятыцкомъ и его девяти товарищахъ къ несчастію—одинъ шагъ и тутъ миллионное насѣдство, и тутъ споръ о подложѣ завѣщанія. Мнѣ передаютъ, что дѣло „о подложномъ составленіи духовнаго завѣщанія отъ имени помѣщика С. Юрковича Леопольда Сулятыцкаго“—назначено къ слушанію въ Каменецъ-Подольскомъ окружномъ судѣ на 15 января 1881 года. Вызвано будетъ до 150 свидѣтелей. Защищать главнаго обвиняемаго—троюроднаго брата покойнаго помѣщика и миллионера, скупость котораго, по слухамъ, была также велика, какъ и богатство Январія Сулятыцкаго, будетъ петербургскій присяжный повѣренный Жуковский, а повѣренными гражданскаго истца—брата покойнаго—петербургскій же присяжный повѣренный Герардъ. Кромѣ Январія Сулятыцкаго, въ качествѣ обвиняемыхъ по этому дѣлу, фигурируютъ: отставной подпоручикъ Адамъ Орачевскій, мѣщанинъ Айзикъ Перлигтеръ и Момко Кессельманъ, отставной коллежскій секретарь Антонъ Сливинскій и губернскій секретарь Антонъ Рутковский, дворянинъ Маріанъ Ольшескій, купецъ Дувидъ Спекторъ и мѣщанинъ Шлема Руссаковский и Исая Лаховецкій.

Р. S. 8 декабря. Сегодня наши присяжные рассмотрѣли дѣло по обвиненію финляндскаго подданнаго Ютана Лагера въ умышленномъ покушеніи на поджогъ своего дома съ цѣлью полученія страховой преміи,—признали его виновнымъ, но принявшимъ участіе въ потушеніи пожара и заслуживающимъ снисхожденія, а также почувствовавшимъ раскаяніе. Судъ приговорилъ Лагера къ лишенію особенныхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ арестантскія роты на полтора года. Этотъ приговоръ присяжныхъ, столь мягкій и гуманный въ отношеніи къ обвиняемому, отрицавшему свою вину и вовсе не выказывавшему, по крайней мѣрѣ, на словахъ—свое раскаяніе, подбѣстивало на всѣхъ присутствовавшихъ весьма благоприятно. Но общественная совѣсть осталась не вполне удовлетворенною и единственно по вину слѣдователя, не постаравшагося разъяснить одно обстоятельство, оставшееся темнымъ и непонятнымъ. Подсудимый, отрицая свою виновность, сваливалъ поджогъ на своего сына, идиота, „дурачка“, какъ его называли всѣ свидѣтели, мальчика лѣтъ 15-ти, умѣющаго произносить только 2 слова „папа“ да „мама“, живущаго у своего

отца. Вотъ, въ виду указанія обвиняемъ на этого идиота, какъ на предполагаемаго виновника поджога, указанія, сдѣланнаго и на предвѣрительномъ слѣдствіи, не слѣдовало ли обратиться на него хотя бы какое нибудь вниманіе, подвергнуть его наблюдѣнію психіатровъ, вызвать его къ суду, для представленія этого субъекта оцѣнкѣ присяжныхъ. Пусть будетъ доказана виновность Лагера—въ дѣлахъ о поджогахъ, какія же бывають доказательства кромѣ уликъ косвенныхъ? пусть оговоръ его смѣшонъ и дикъ—но вѣдь и объектъ оговора не поддается обыкновенной мѣрѣ. Вѣдь это проблема—а ее нужно же, если не разрѣшить, ну, такъ по крайней мѣрѣ, рассмотреть поближе, повнимательнѣе. Этотъ идиотъ не былъ даже вызванъ къ суду. Каково же положеніе прокурора, защитника, самихъ присяжныхъ, когда въ дѣлѣ „выясненіи“ *не съ достаточною ясностью* все таки остается одинъ пробѣлъ, одна прорѣха, когда приходится судить объ отсутствующихъ, считаться безъ одного фактора! Неполнота и небрежность предварительнаго слѣдствія—это оружіе обоюдоострое, вотъ чего не слѣдуетъ забывать гг. слѣдователямъ, сбѣгающимъ завершить предварительное слѣдствіе въ ущербъ его полноты и вѣстостности.

Въ нѣкоторыхъ *контрольных палатахъ ревизіи* отточности отстала слишкомъ на десять лѣтъ. А между тѣмъ пропускъ десятилѣтней давности, снимая всякую отвѣтственность съ отчотныхъ мѣстъ и лицъ, переноситъ ее на контрольныя учрежденія; поэтому для усиленія въ 1881 году работы различныхъ контрольных палатъ, изпрошенъ сверхсмытный кредитъ въ 300,000 р. и для повѣрки отсталой ревизіи назначенъ крайній срокъ 1-го января 1882 года.

Въ *медико-хирургическую академию* стали поступать *заявленія земствъ* о желаніи имѣть лѣтомъ для практики по тѣмъ или другимъ причинамъ студентовъ послѣдняго курса медико-хирургической академіи.

Изъ *Чернигова*: „Давно говорятъ у насъ о *неурадачѣхъ въ зопней духовной семинаріи*. Двери и съ разбитыми стеклами, и безъ замковъ и отворяются при помощи пальца, воткнутаго въ прежде бывшее отверстіе для ключа; скамьи съ обломанными сидѣльями. Досокъ въ нѣкоторыхъ классахъ нѣтъ, а гдѣ есть, тамъ черныя полосы ихъ указываютъ на прежде бывшую окраску. Одѣяла въ сильныхъ воспитанниковъ много лѣтъ не переменялись. Бѣдность невообразима. Давно отдано въ мытье бѣлые казенноконныхъ воспитанниковъ и почему-то не возвращается. Оказывается, что пращи давно постирали, но не хотѣли отдавать бѣлыя безъ денегъ, а имъ объясняютъ, что за нынѣшній годъ всѣ деньги уже израсходованы“.

(„Голосъ“).

предоставилъ бы „всецѣднѣе“—существо „въ четырехъугольной шапчѣ“, которое такъ нахлынуло волнотервскихъ выходцевъ съ Сіуруса своимъ заявленіемъ, что разгадку всѣхъ тайнъ можно найти въ „сокращенномъ изд. Оомы Авинскаго“. Онъ понялъ бы, что послѣднее слово науки не „гордость, гордость и гордость“, а смиреніе и смиреніе, конечно не имѣющее ничего общаго съ фальшивымъ „езуитскимъ смиреніемъ, идущимъ изъ устъ, подъ которыми сверкаютъ глаза, полные высокомерія, жестокости и нетерпимости. Онъ понялъ-бы, наконецъ, что наука не придаетъ крыльевъ, а развиваетъ лишь руки для тяжелаго труда. Безъ отчужденнаго пониманія всего этого, Ивану, дѣйствительно остается только „дрожать“ въ отвѣтъ на общительный голосъ, продолжающій такъ:

„Вопросъ теперь (говоритъ „чортъ“) въ томъ, думаетъ мой юный мыслитель: возможно ли, чтобы такой періодъ наступилъ? Если наступитъ, то все рѣшено, и человечество устроится окончательно. Но такъ какъ, въ виду закоренѣлой глупости человѣческой, это пожалуй еще и въ тысячу лѣтъ не устроится, то всакому сознающему уже и теперь истину, позволительно устроиться совершенно *какъ ему угодно*, на новѣхъ началахъ. Въ этомъ смыслѣ ему „*все позволено*“. Мало того: если даже періодъ этотъ и никогда не наступитъ, то такъ какъ Бога и безсмертія все таки нѣтъ, то новому человѣку позволительно стать чело-вѣко-богомъ, даже хотя одному въ цѣломъ мѣрѣ, и ужь конечно, въ новомъ чинѣ, съ легкимъ сердцемъ перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежняго раба-человѣка, если оно понадобится. Для Бога не существуетъ закона! Гдѣ станеть Богъ—тамъ уже мѣсто Божіе! Гдѣ стану я—тамъ сейчасъ же будетъ первое мѣсто. „Все позволено“—и шабашъ... Совѣтъ! что совѣтъ! я сама ея дѣлаю. Затѣмъ какъ я мучаюсь? По при-вычкѣ. По всемірной человѣческой при-

вычкѣ за семь тысячъ лѣтъ. Такъ отыщемъ и будемъ богъ... Все это очень мило, только если захотѣлъ молчаливать, зачѣмъ бы еще кажется санкція истины? Но ужь таковы наши русскій современный человѣчекъ: безъ санкціи и смолчаливать не рѣшится, до того ужь истину возлюбилъ...“

Что оставалось Ивану, какъ не бросить ставкамъ въ отвѣтъ на этотъ логическій выводъ изъ его собственныхъ сумбуриныхъ основныхъ посылокъ. Положивъ, что все на свѣтѣ относительно, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, нельзя уже отказываться отъ практическаго постулата—„все позволено“.

Если бы „разсудочность“ Ивана не высвѣла безпомощно въ воздухъ, онъ не примоллъ бы къ странной мысли выбросить совѣтъ за бортъ, потому что зналъ бы, что чувство обязанности, долга,—какъ признано всеми психологами,—есть несомнѣнный фактъ человѣческой души, особенная способность человѣческой природы. Правда, эта способность, какъ и всякая другая, можетъ быть и заглушена и воспитана, но она имѣетъ свои естественные источники питанія.

Человѣческой природѣ присущъ эгоизмъ, забота о себѣ, о своемъ благополучіи. Уже *благоразумный* эгоистическій расчетъ обезпечиваетъ отчасти исполненіе социальныхъ обязанностей, потому что *благоразуміе* заставляетъ удерживаться отъ всего, за что общество наказываетъ, и дѣлать то, за что оно награждаетъ. Но несомнѣнно, что сумма человѣческихъ добродѣтелей, крохѣ мотивовъ *благоразумія*, обуславливается еще и безкорыстными мотивами. Безкорыстіе есть одинъ изъ факторовъ нашей природы, потому что люди всегда жертвовали собою для другихъ, безъ чего были бы невозможны великія добродѣтели. Основаніемъ безкорыстія служить отчасти то чувство *благоразумія*, та „доброта сердца“, кото-

рая живетъ и дѣйствуетъ въ душѣ на ряду съ эгоизмомъ. Но этой „добротѣ сердца“ еще недостаточно для произведенія подвиговъ добродѣтели. При слабости интеллекта, является лишь безцурное соболзнованіе и безразличная доброта. Нѣжное чувство можетъ обуславливать наши дѣйствія въ тѣсномъ кругу близкихъ людей, но какимъ образомъ можетъ оно заставить насъ идти на встрѣчу нудамъ людей далѣ насъ чуждыхъ, даже вовсе намъ неприятымъ, —напр. преступниковъ, которымъ Говардъ посвящалъ всю жизнь? На помощь нѣжному чувству выступаетъ наша интеллектуальная способность „симпатіи“, подъ вліяніемъ которой чувства другихъ людей становятся нашими собственными чувствами и чужой интересъ становится интересомъ нашимъ. Отсюда получается такая дѣятельность, которая какъ будто выхлѣблѣ изъ нашего собственнаго психическаго состоянія. Для этого, конечно, необходимо пониманіе чужого горя и радости,—въ соединеніи съ нѣжной эмоціей, такъ какъ безъ импульса послѣдней, можно понимать чужое страданіе, но *убѣжать* отъ муки симпатіи, вмѣсто того, чтобы идти и помогать.

Таковы естественныя силы человѣческой души, которая наука учитъ воспитывать въ виду достиженія цѣлей, вытекающихъ изъ природы человѣка, какъ существа общительнаго,—цѣлей, измѣряемыхъ и повѣряемыхъ, въ концѣ концовъ, масштабомъ „способствованія благополучію человечества“. Изучая дѣятеля, наука въ то же время стремится освѣтить и самую арену дѣйствія, усаяя законы связи и послѣдовательности явленій общественной жизни человѣка. Все это составляетъ широкое и благотворное поле для всякаго, желающаго узнать, что *хорошо* и какіе пути ведутъ къ достиженію этого хорошаго.

Правда, нерѣдко бываетъ, что человекъ, „зная лучше“, стремится все-таки къ худшему“. Но вытекаетъ ли

отсюда, что знаніе вообще не имѣетъ вліянія на поступки? Можно ли выводить отсюда, что у дѣлѣ практической дѣятельности человѣка—шаткость, играющее страстей? Рѣшительно, нѣтъ. Возьмемъ въ примѣръ какой нибудь типъ устойчиваго характера, возьмемъ типъ скупца, отчотливое выраженіе котораго даетъ во многихъ экземплярахъ, и наша, и иностранная литература. Бесспорно, ни Плюшкинъ, ни Гарпагонъ, ни Скупой Рыцарь, не родились же въ самомъ дѣлѣ „съ кускомъ запеклагого золота въ рукѣ“. Ихъ скупость имѣетъ исторію. На днѣ ея лежатъ, во первыхъ, присущее вообще чело-вѣку эгоистическое стремленіе „устоять въ своемъ бытіи“; далѣе сюда примыкаетъ извлеченное изъ опыта сознаніе, убѣжденіе, что матеріальныя средства обезпечиваютъ независимость, что деньги даютъ возможность пользоваться благами, пока чело-вѣкъ здоровъ, возстановитъ здоровье, когда боленъ, и т. д., словомъ—убѣжденіе, что деньги и богатство составляютъ нѣчто весьма желательное. Таково одностороннее психическое побужденіе и таково одностороннее умственное представленіе о жизни, служащая исходнымъ пунктомъ характера Плюшкина и К^о. Далѣе начинается жизнь, согласная съ этимъ побужденіемъ и убѣжденіемъ. Сначала Плюшкинъ только „бережливый хозяинъ“, онъ „является къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ, локти пока въ порядкѣ“. Но, мало по малу, аппетитъ возрастаетъ; скупость растетъ, „человѣческая чувства мелютъ, ежеминутно и каждый дѣнь что нибудь утрачивается въ общей развалинѣ. Съ каждымъ годомъ въ домѣ притворяются окна, одно за другимъ, наконецъ остается только два, наконецъ одно и изъ этихъ двухъ заклеивается бумагой“. Мало по малу, по естественному психическому закону, искомъ сначала какъ средство, становится искомъ какъ цѣль. И вотъ передъ Чичиковымъ готовый коштедь для колѣнія, и вотъ передъ нами въ

законченномъ видѣ Скупой Баронъ: „Мой отецъ, говоритъ Альберъ, въ денгахъ не слугъ и не друзей видѣть, а господъ, которымъ служить, какъ алжирскій рабъ, какъ песь цѣпной! Въ непопеленной конурѣ живетъ, шьетъ вой, бѣтъ сухія корки, всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лаетъ,—а золото спокойно въ сундукахъ лежитъ себѣ...“

Такова мощь чело-вѣческаго характера въ его одностороннемъ развитіи изъ односторонней точки отравленія. Такая же можетъ быть мощь чело-вѣка и при гармоническомъ развитіи души. Заставте современемъ зазвучать разявляющія струны души Плюшкина, нѣжную эмоцію сердца, интеллектуальную способность симпатіи. Здѣсь нѣтъ надобности творить, здѣсь нужно только поддерживать и воспитывать, потому что онъ, эти струны, есть на лицо: „Мнѣ развѣ даромъ это все досталось? восклицаетъ скупой Пуш-кина. И въ сердце у меня обросло мохомъ, что я не зналъ желаній, что меня и совѣтъ никогда не гризла?..“

Помогите этимъ то подавленнымъ импульсамъ, расширяя служенный умственный горизонтъ, устраняя односторонность убѣжденія, показывая въ жизни многое, кромѣ золота, усаянія, что наряду съ собственнымъ „его“ (я), существуетъ еще и „alter“ (близкій), соединенный съ первымъ многими связующими нитями и природы, и чувства, и разума, и расчета. Отсюда то возникаетъ „добродѣтельная“ окраска поступковъ, которая, какъ скупость въ приведенномъ примѣрѣ, мало по малу становится цѣлью сама по себѣ и для себя. Таковъ путь, лежавшій передъ Иваномъ Карамазовымъ, когда онъ, не желая „рабски“ повиноваться тому, что предписывается чело-вѣку извнѣ какъ должное, захотѣлъ стать сознательнымъ господиномъ своихъ поступковъ и обратился къ собственной „разсудочности“. Намѣченный нами нравственный подъемъ—труденъ, но результаты драгоцѣнны: на извѣстной высотѣ этого подъема атмосфера ста-

—Изъ *Каменецъ-Подольска* пишутъ, что усиливается тамъ *дороговизна на жизненные продукты* начинается давать себя чувствовать и люду, живущему казеннымъ содержаніемъ. Такъ мѣстная духовная семинарія вошла съ ходатайствомъ въ свѣтѣйшій синодъ о назначеніи дополнительнаго содержанія персоналу учителей семинаріи.

—Изъ *Новочеркасска*, Донской области, пишутъ: мѣстные *земцы* продолжаютъ *заявлять, о нерасположеніи своемъ къ печатному слову*. На прошломъ окружномъ донецкомъ земскомъ собраніи это нерасположеніе обнаружилось со стороны предсѣдателя донецкой окружной земской управы, который удалил отъ службы пріобрѣтшаго себя любовь населенія земскаго врача Варапаева за то, что Варапаевъ рискнулъ помѣстить въ мѣстной газетѣ „Донской Голосъ“ нѣсколько статей, въ которыхъ при выясненіи отношеній, какія должны были бы существовать между управою и лицами медицинскаго персонала, коснулся нѣкоторыхъ неблагоприятныхъ сторонъ дѣятельности донецкой земской управы. Земцы тогда не только не протестовали противъ распоряженія своего предсѣдателя, но поспѣшили еще засвидѣтельствовать ему свое довѣріе. Областное земское собраніе на-дняхъ постановило ходатайствовать предъ казеннымъ атаманомъ о запрещеніи помѣщать въ неофициальномъ отдѣлѣ „Донскихъ Вѣдомостей“ статьи общительнаго противъ мѣстныхъ дѣятелей содержанія.

—Изъ *Вильно* (Бессараб. об.) пишутъ: несмотря на слишкомъ 11-ти тыс. населеніе нашего города, у насъ, по настоящее время, *не имѣется ни одной школы* для первоначальной, элементарной подготовки, *исключая лишь приходского мужскаго и женскаго народнаго училищъ*, въ которыхъ число учениковъ и ученицъ очень велико, такъ что почтеннымъ педагогамъ приходится очень трудно. Вслѣдствіе неимѣнія болѣе или менѣе сносной (ужь не говоря о хорошей) элементарной школы, нашимъ родителямъ по неволѣ приходится обращаться къ услугамъ такъ называемыхъ „вольныхъ-практикующихъ педагоговъ“, число которыхъ, вѣсти будъ сказано, съ каждымъ днемъ увеличивается, и есть опасеніе, что число „педагоговъ“ со временемъ станетъ превышать число учениковъ!

Притомъ эти „педагоги“ далеко не блестящаго качества. Такъ одинъ изъ нихъ обучалъ своего питомца не наукамъ, а картонной игрѣ, причѣмъ, конечно, не обижалъ себя и выигралъ со своего ученика сначала 5 рублей, а потомъ, когда ученикъ для уплаты своему учителю этихъ 5 рублей укралъ у отца 25, то и ихъ прикарманилъ.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду, какъ наши обыватели легѣли мысль, что у насъ будетъ основана прогимназія или реальное училище, но, къ сожалѣнію,

новится живительной, тревоги сомнѣнія исчезаютъ, нѣтъ болѣе колебаній, каждое жизненное событіе застаетъ во всеоружіи, жизнь является сномъ безъ всякихъ кошмаровъ, смерть встрѣчается съ улыбочкой на устахъ.

Но Иванъ Карамазовъ не сдѣлалъ ни шагу по этому пути.

Полагая, что до чего то додумался, онъ остался на самомъ дѣлѣ круглымъ невѣждой, и вотъ причина его трагическаго положенія, вотъ причина, почему онъ не знаетъ, нужно ли идти въ судъ, открыть истину, и, если идетъ („Р. В.“, сентябрь), то и тутъ, въ безумномъ бредѣ, упорно повторяетъ: „захоу скажу, захоу не скажу“. Честь и слава г. Достоевскому, изобразившему въ яркой картинѣ ужасъ мнимаго знанія, о которомъ еще Со-кратъ настоячиво твердилъ: нѣтъ не-вѣдства болѣе постыднаго, какъ думать, что знаешь то, чего не знаешь, и нѣтъ блага, которое бы могло сравниться съ благомъ—быть свободнымъ отъ ложнаго мнѣнія“. Нѣтъ сомнѣнія, что изображенная г. Достоевскимъ черта, есть дѣйствительно одинъ изъ важнѣйшихъ пороковъ нашего общества. Всякому извѣстна упрощенная система сокращающихъ формулъ нашего „дѣйствующаго позитивизма“, система, усвоенная, по своей замѣчательной „легкости“, съ ранней юности, усвоивающая затѣмъ всѣ сомнѣнія, и дающая въ результатѣ, или беззастѣнчивое „все позволено“, или роковую, трагическую, душевную катастрофу. Въ новомъ указаніи на этотъ порокъ, повторяемъ, великая заслуга г. Достоевскаго.

К. Яромъ.

(Окончаніе будетъ).

